

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 145, октябрь 2026

Искусственный интеллект и гибридная война

«Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же».

Генри Киссинджер цитирует работу Карла фон Клаузевица „О войне“, чтобы рассмотреть вопрос об использовании искусственного интеллекта в военных целях. Речь идет о главе „Безопасность и мировой порядок“ из книги „The Age of AI and Our Human Future“ („Искусственный разум и новая эра человечества“, 2021) — эссе, написанного в соавторстве с Эриком Шмидтом, бывшим руководителем Google, и Дэниелом Хаттенлокером, специалистом по информатике и деканом Колледжа вычислительной техники имени Шварцмана при Массачусетском технологическом институте (MIT).

В этой части текста явно прослеживается авторский почерк экс-госсекретаря США и бывшего советника президента Никсона по нацбезопасности. В любую эпоху, пишет он, различные общества стремились превратить «технологические преимущества» в методы «мониторинга угроз», повышения способности реагировать и оказания влияния за пределами своих границ. Из века в век всё большее значение приобретало преимущество в проецировании силы на большие расстояния с большей «скоростью» и «силой». С началом Гражданской войны в США (1861–1865) и Франко-прусской войны (1870–1871) конфликты вступили в «эру машин» и приблизились к «тотальной войне» на фоне появления промышленного производства оружия, использования телеграфа для передачи приказов и развития железнодорожных перевозок войск и военных грузов на большие расстояния.

До этого момента при каждом увеличении военного потенциала великие державы взаимно

«оценивали друг друга», анализируя, кто одержит верх в конфликте, какие риски и потери оправдали бы победу, а также последствия вступления в войну другой державы. По крайней мере в теории, «возможности, цели и стратегии» различных стран были организованы в соответствии с «равновесием» или «балансом сил».

За последнее столетие «стратегическое соответствие средств целям» оказалось нарушено; технологии умножились и стали более разрушительными, а стратегии их применения — более неуловимыми. Сегодня появление кибервойны и искусственного интеллекта добавляет новые уровни необычайной сложности к этим стратегическим расчетам.

Первая мировая война стала переломным моментом. Передовые державы использовали в военных целях технологические достижения промышленной революции и сконцентрировали массовые армии за счет обязательной воинской повинности. Сложные стратегии были направлены на использование преимущества быстрой мобилизации и обязывали союзников к одновременному реагированию.

«В результате локальный кризис — убийство наследника династии Габсбургов сербским националистом — привел к тому, что великие державы Европы, следуя выработанным планам, ввязались в общий конфликт. Результатом стала катастрофа, уничтожившая целое поколение в погоне за результатами, которые не имели никакого отношения к первоначальным военным целям сторон. Распадались империи, и даже победители понесли тяжелый урон, который истощил их на десятилетия и ослабил их международную роль. Сочетание дипломатической жесткости, передовых военных техноло-

гий и планов немедленной мобилизации создало порочный круг, сделав мировую войну не только возможной, но и неизбежной. Потери были столь колоссальными, что необходимость их оправдать сделала компромисс невозможным».

В последнем предложении прослеживается психологическая закономерность противостояния, на которую стоит обратить внимание: человеческие жертвы и капитал доверия, вложенные в этот вызов, могут быть настолько велики, что отступить из конфликта можно только в результате изнеможения и фатального истощения сил.

Что касается всего отрывка, то речь идет о классической интерпретации Киссинджером первой мировой войны, сопоставимой с интерпретацией историка Кристофера Кларка в книге „Сомнамбулы“. Погружение в войну не имеет своего истока в неравномерном империалистическом развитии, как это предполагает наша марксистская теория. Вспомним Фридриха Энгельса и его предсказание кризиса конца века, когда Америка и Германия были обречены бросить вызов господству британского империализма. Или Ленина, в частности в работе „Империализм“, где именно изменившиеся отношения между державами должны в конечном итоге проверяться силой — как экономической, так и военной. Здесь приоритет отдается неумолимому развитию стратегического противостояния, но в своего рода храповом механизме блоков — этой шестерне, которая зуб за зубом вызывает прогрессирующее ужесточение

союзов (Тройственного союза, Антанты) с их обязательствами по немедленной мобилизации.

Конечно, глубинные факторы тотальной войны и промышленной мощи на службе массового убийства проявляются и здесь, но в той своеобразной форме технологического детерминизма, которая у Киссинджера представляет собой связь между военными средствами и политико-стратегическими целями, в стремлении представить политике концепции, позволяющие держать под контролем инструменты войны. В 1914 году эта связующая нить «порвалась» — выражение, в котором отзывается „Гамлет“ Уильяма Шекспира, — потому что индустриализация войны вышла из-под контроля. Вторая мировая война и последовавшая за ней гонка атомного перевооружения добавили загадки сдерживания и гарантированного взаимного уничтожения, причем термоядерное оружие было настолько мощным, что требовало доктрин, предотвращающих его применение. Сегодня цифровое оружие и искусственный интеллект — на фоне электронной связи, отсутствия границ в киберпространстве и неуловимых угроз гибридной войны — переворачивают представления о времени и пространстве конфликтов; скорость стала мгновенной, а проецирование силы оторвано от географии. По мнению Киссинджера, поддержание баланса стало еще более сложной задачей, а попытка обеспечить политике контроль над средствами ведения войны — почти безнадежной.

Lotta comunista, сентябрь 2026 г.

Содержание

Искусственный интеллект и гибридная война	стр. 1
Апокалипсис в сети и истинные провалы капитала	стр. 2
Беспрецедентность в условиях упадка Америки	стр. 3
Бутылочные горлышки	стр. 4

Апокалипсис в сети и истинные провалы капитала

ИИ-воскрешение или скончание веков. Технологии киберпространства спасут человечество. Или нет: они повергнут его в сетевой Апокалипсис, вызванный бунтом цифровых машин.

Стремительно поднимается прилив искусственного интеллекта, и война капиталов доводит финансовые потоки до иступления, увлекая их за пределы сверхинвестирования; также происходит столкновение *хай-тек* гигантов на мировых рынках, сопровождающиеся хвалебными или катастрофическими кампаниями в медиа, подковерной работой лобби и политических течений вместе с регулирующими органами и государственными властями; и, наконец, этот прилив обостряет противостояние великих держав теперь, когда ИИ проявляет себя как стратегический инструмент экономической и военной мощи.

Однако на поверхности этой приливной волны плавают мифы идеологии, начиная с особой смеси социальной психологии этой отрасли. Она прошла путь от индивидуалистической позы *конструктуры «бунтарей-технологов»* из гаражей Кремниевой долины — согласно самопрезентации Эрика Шмидта из Google — до технологической *квазирелигии*, смешанной с деловой хитростью при заключении контрактов с Пентагоном.

„New York Times“ задает вопрос: *«Почему технологические олигархи готовы рискнуть Апокалипсисом?»*, и отвечает на него *«фантазиями о трансцендентности»* и *«мессианскими мечтами»* технологических лидеров. Питер Тиль, сооснователь Palantir, считает *«Антихристом»* любого, кто стремится затормозить цифровую экспансию: иногда Лукавого видят в экологах, иногда — в Китае. Другие рассматривают ИИ как нечто, аналогичное *«второму пришествию»* Спасителя, или как путь *«к преодолению ограничений Земли и, возможно, даже к избавлению от неизбежности смерти»*. Сэм Альтман из OpenAI предполагает, что его мозг *«будет загружен в облако»* — цифровое хранилище. Илон Маск из xAI, Starlink, Tesla и SpaceX хочет *«сбежать на Марс»* по пути, *«который приведет нас к воплощению того, о чем мы читаем в научно-фантастических книгах и видим в фильмах»*.

„New York Times“ остается слишком поверхностным. Конечно, не стоит недооценивать эту питательную среду — своего рода смесь либерального эвангелизма, подростковой научной фантастики и гипноза PlayStation, — и не следует игнорировать более глубокую историческую закономерность американских лихорадок и религиозных пробуждений. Но также нельзя забывать, что это — гребень волны колоссального притока капитала. Сегодня мы находимся в фазе мании или эйфории, как и в любом пузыре, сопровождающем циклы яростного *Штурм унд Дранг* капиталистического развития, согласно формуле Парвуса, которую высоко оценил Ленин. Но уже проглядываются — неизвестно, насколько мы далеко — признаки паники, предвещающей неизбежный кризис. *«Мании, паники, крахи»*, согласно классической последовательности Чарльза Киндлбергера (см. его книгу „Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи“).

Вкупе с ролью медийного цирка, по своей природе сенсационного и безответственного, именно так можно расценить высказывание двух исследователей из Anthropic, одного из которых можно назвать почти юношей, согласно которому *«вероятность того, что ИИ уничтожит человечество в течение следующих десяти лет, превышает 10%»*.

Выступление Дарио Амодеи, руководителя Anthropic, остается на несколько ступеней ниже этого апокалиптического пророчества. Однако он опасается *«ущер-*

ба в сотни миллиардов» от возможного распространения в сети *«несогласованного»* искусственного интеллекта, то есть выходящего из-под контроля в отношении целей, установленных людьми. По мнению Амодеи, динамика *«рекурсивного самосовершенствования»* — способность моделей ИИ к самообучению — с этого лета развивается с такой скоростью, что *«может превзойти нашу способность понимать и контролировать эти системы»*. Это подтверждает *«инцидент с OpenAI и Hugging Face»*, который, по всей видимости, войдет в историю как пресловутая *канарейка в шахте* среди возможных катастроф, связанных с ИИ. В ходе обучения, которое должно было оставаться изолированным, рой *ИИ-агентов* обнаружил уязвимость и действовал как *«фанатично преданный коллектив»*, нанося удары по цели — именно платформе Hugging Face, — которую они не должны были атаковать. Здесь прослеживается аналогия с Чернобылем — экспериментом, закончившимся плачевно, — или, в еще большей степени, с пандемией, в связи с предположениями о том, что вирус вырвался из китайской лаборатории в Ухане.

Амодеи видит риск того, что эта своего рода пандемия ИИ захватит всю сеть *«в течение 6–12 месяцев»*, и выдвигает три предложения. Во-первых, каждая передовая ИИ-компания должна предоставить безусловный доступ группам *«сторонних экспертов»* для мониторинга безопасности, информирования об инцидентах и проверки *«технологического согласования»* моделей и процессов обучения. Прецедентом здесь служат *«надзорные органы»* в банковском секторе. Во-вторых, *«демократическая координация»*: группы, занимающиеся ИИ *«внутри демократических стран»*, должны установить общие стандарты безопасности и, прежде всего, *«ограничения»* на скорость, с которой в настоящее время разрабатываются модели ИИ. Это ключевое предложение *«pacing»* — согласованное замедление темпов, которое, однако, потребует *«государственной поддержки»* и соглашения с антимонопольными органами. В-третьих, *«глобальная координация»*, в рамках которой США и их союзники будут стремиться к переговорам с *«авторитарными правительствами»*, то есть с Китаем. Здесь Амодеи весьма прямо говорит о необходимости укрепить *«максимально возможное преимущество»* над китайскими группами, подтвердив и усилив эмбарго на передовые чипы и оборудование для производства полупроводников, пресекая контрабанду и кражу технологий ИИ и противодействуя так называемой *«дистилляции»*. Это обычная практика, с помощью которой китайские компании, запрашивая в промышленных масштабах данные из чрезвычайно дорогостоящих моделей ИИ, хранящихся в американских дата-центрах, обучают свои модели за одну десятую или одну сороковую часть американских затрат.

Мы можем дать лишь предварительную картину реакций, вызванных документом Anthropic. Среди ключевых фигур Сэм Альтман из OpenAI и Илон Маск из xAI поддержали его, а Билл Гейтс из Microsoft выступает за государственное регулирование. Марк Цукерберг из Meta и Facebook и Дженсен Хуанг из Nvidia, напротив, являются сторонниками ускорения развития: любое замедление, по их мнению, сыграет на руку Пекину.

Среди американских политических властей по меньшей мере семь или восемь сфер вовлечены в этот вопрос. Что касается президентства, то Дональд Трамп выступает против регуляторных барьеров и приостановки работ; приоритетом для него является противостояние с Китаем. В обеих палатах законодательного органа

рассматриваются двухпартийные законопроекты: в Палате представителей — о федеральном регулировании, а в Сенате — о создании системы предотвращения катастрофических рисков. Антимонопольный орган — Федеральная торговая комиссия (FTC) — скептически относится к мерам, которые сочтали бы вопросы безопасности с картельными соглашениями о производстве. Министерство юстиции (DoJ), имеющее собственное антимонопольное подразделение, готово поддерживать меры саморегулирования среди высокотехнологичных групп, но только в сфере безопасности. В отсутствие федерального закона многие штаты уже утвердили свои собственные нормативные рамки. В определенной степени речь идет также о полномочиях ФРС и Министерства финансов, поскольку массив капитала, привлеченный ажиотажем вокруг ИИ, конкурирует с финансированием американского государственного долга.

С типично британским прагматизмом Мартин Вольф в „Financial Times“ перечисляет закулисные мотивы, которые, как подозревают циники, скрываются за фронтом Anthropic-OpenAI-xAI-Microsoft. Возможно, они просто хотят замедлить чрезвычайно дорогостоящую гонку, в которую они ввязались. Возможно, они хотят создать удобный картель с классическим *захватом регуляторов*, чтобы доминировать в секторе. Третья гипотеза заключается в том, что они просто хотят избежать внешнего регулирования, то есть выступить в роли стражей самих себя. Наконец, возможно, они просто хотят подчеркнуть свою важность для национальной безопасности.

Пекинская газета „Global Times“ прекрасно уловила суть дела; она подробно освещает высказывания Амодеи, направленные против Китая, и делает вывод, что на самом деле американские концерны стремятся замедлить темпы развития китайских компаний. Лю Шаошань из Шэньчжэньского института искусственного интеллекта и робототехники утверждает, что у высокотехнологичных компаний есть все те же мотивы представлять ИИ более мощным, загадочным и даже опасным, чем он есть на самом деле: *«Как только ИИ представляется как технология, способная определять ход национальной конкуренции, национальную безопасность и даже будущее цивилизации, компания, занимающаяся ИИ, перестает восприниматься как обычная технологическая компания, а рассматривается как стратегическая инфраструктура. Это напрямую повышает ее политическую значимость, усиливает барьеры в отрасли и увеличивает ее рыночную оценку»*.

Газета „Il Foglio“ по своему характеру с недоверием относится к регулированию и государственному директивизму. Карло Альберто Карневале Маффе из Университета Боккони умеет читать между строк в призыве к государственному вмешательству. Когда пионеры ИИ просят подвергнуть их *«строгим государственным нормам»*, пишет он, *«пророки бедствий смотрят на палец технологического апокалипсиса, вместо того чтобы следить за лунной инвестиционной портфелью»*. Прецедент банковского надзора, на который ссылается Амодеи, весьма показателен: *«Банки соглашаются на инспекторов в обмен на что-то: страхование вкладов, функцию кредитора последней инстанции, лицензию, которая не допускает несанкционированных игроков. Надзор и защита зародились одновременно, а расплачиваются за это те, кто остается за пределами круга»*.

Такую же точку зрения высказал Алекс Карп из Palantir в интервью CNBC. Anthropic не хочет брать на себя корпоративную ответственность за ущерб,

который могут причинить ее продукты, что может повлечь за собой иски о возмещении ущерба на миллиарды. Поэтому Амодеи просит, чтобы государство регулировало его деятельность в качестве гаранта того, чем он не в состоянии управлять, но по своим логическим последствиям это является неявной просьбой о национализации: пусть государство как акционер возмещает ущерб пострадавшим. Демократический капитализм хочет получить печать государства, чтобы не открывать кошельки.

Альберто Мингарди в статье, написанной совместно с Джилберто Корбеллини из Университета Ла Сapiенца, объясняет почти всё уже в самом заголовке: *«Создать картель ИИ под предлогом геополитики»*. И далее: *«какому институту они хотели бы поручить регулирование, направленное против разрушительных последствий ИИ? Государствам: «тому самому институту, который потребовал разработать удушающие газы, а затем применил их в окопах первой мировой войны, и который сбросил атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки»*.

Обвинение остро сформулировано; впрочем, даже Генри Киссинджер, лидер школы буржуазного реализма, стремясь предотвратить термоядерный апокалипсис, пытался с помощью *гибкого ответа* разработать доктрину применения тактического ядерного оружия в боевых условиях. Но школа радикального либерализма Фридриха фон Хайека, которой вдохновляется Мингарди, с трудом оперирует категорией силы в межгосударственных отношениях. Тот же Карп видит себя поборником Америки, которая единственная способна противостоять Китаю, поскольку Европа якобы отошла в сторону, и в этом контексте указывает на свои контракты с Пентагоном. Его подход представляет собой сочетание либерализма и национализма: он противится оковам государственного регулирования во имя *суверенитета* предприятия, который одновременно является суверенной свободой личности, но при этом претендует на роль в утверждении американского *суверенитета* в глобальном противостоянии.

Уолтер Рассел Мид в „Wall Street Journal“ улавливает новый дух времени. В девяностые годы *плоского мира* патриотизм был постыдным пережитком; нигде этот мир не умирает быстрее, чем в высокотехнологичной промышленности, и причиной тому являются не столько заказы Пентагона, сколько угроза со стороны Китая. Первой к патриотизму возвращается Кремниевая долина; чуть позже за ней последуют банки и производственные предприятия. Университеты приспосабливаются к новой реальности.

Вот так замкнулся круг. Новые страхи перед цифровым апокалипсисом служат прикрытием для реальных провалов капитализма, происходящих в рамках обычного хода кризисов и войн. Неизбежно, что искусственный интеллект будет использован в качестве оружия. Киссинджер ломал голову над тем, как подчинить его политике, но политика, в свою очередь, подчиняется капиталу. Иллюзия технологического детерминизма, то есть представление о том, что для подлинно гуманного развития достаточно установить правила для технологии, вытекает из того же источника, что и миф об умеренном капитализме, перевоспитанном реформистами и наставленным религией. Между тем новый цикл кризиса мирового порядка сулит бурю. Демократический капитализм, либерально-националистический капитализм: все течения мобилизованы.

Lotta comunista, сентябрь 2026 г.

Беспрецедентность в условиях упадка Америки

По мнению Джеймса Морриса, кровопролитная война против небольшой общины буров в Южной Африке, веденная в 1899–1902 годах, пошатнула уверенность Британской империи, обнажив ее военную уязвимость и дипломатическую изоляцию. Таким образом, правы те авторы, которые связывают малую бурскую войну с заключенными вскоре после нее оборонительными соглашениями с Японией и Францией, а также с возобновлением британского перевооружения, рассматривая ее как начало цепочки событий, которая, проходя через две мировые войны и утрату колоний, Суэцкий кризис и кризис фунта стерлингов, привела к окончательному упадку Британской империи.

Текст английского историка о „*Rax Britannica*“ рассматривает этот конфликт в долгосрочной перспективе. Британский век начался с побед Горацио Нельсона при Трафальгаре и герцога Веллингтона при Ватерлоо, а завершился юбилеем королевы Виктории в 1897 году. Это был «период малых войн»: Китай, Афганистан, Крым, Персия, Индия, Абиссиния, Египет, Судан. Это были «войны джентльменов», как иронизировал Бисмарк, с помощью которых Лондон управлял и регулировал свою «*Ракх*» (мир). Великобритания по-прежнему воспринимала себя в качестве арбитра мировой политики, когда подъем Германии начал вытеснять ее из Европы, а молодая американская буржуазия отняла у нее промышленное лидерство. Формировалось новое глобальное соотношение сил. Малая бурская война не выявила бы некоторых неожиданных слабостей в войсках и вооружении, если бы не была почти бессознательно связана с ощущением, что британское господство не может длиться еще долго. Мировые отношения между державами были определяющим фактором.

Военные поражения зимой 1899 года оказались неожиданными и унижительными. Лоуренс Джеймс в книге „Взлет и падение Британской империи“ оценивает, что на долю южноафриканских рудников приходилась четверть мирового объема добычи золота. Но истинную ставку международной игры вокруг Кейптауна раскрывала неосторожная поздравительная телеграмма кайзера Вильгельма к Паулю Крюгеру, бурскому президенту Трансвааля, направленная после неудавшегося военного рейда с целью его свержения, финансированного британским соперником Сесилом Родсом в 1896 году. Лондон отстаивал имперские позиции, которым угрожало вторжение Германии; чтобы сломить буров, потребовались два года партизанской войны и жестокое использование концентрационных лагерей.

Пьер Ренувен не поддает влиянию англосаксонской историографии в вопросе о германской угрозе: британское наступление в Африке угрожало немецким интересам и престижу, но на самом деле Берлин быстро покинул Трансвааль в поисках соглашения с Лондоном о разделе Африки. Генри Киссинджер рассматривает этот эпизод в более общем контексте неоднократных попыток достижения англо-германского соглашения на рубеже веков. Телеграмма Крюгера по замыслу немцев должна была подтолкнуть Лондон к переговорам, но оказалась крупным промахом, приведшей к обратному результату. В книге „*Diplomacy*“ Киссинджер не щадит преемников Бисмарка. Он пишет, что «интеллектуальный вакуум» и «необдуманная внешняя политика» его последователей привели к тому, что остальные державы объединились против Германии, воплотив в жизнь тот сценарий, которого старый канцлер всегда пытался избежать. Включение нового немецкого гиганта в европейский баланс сил в любом случае было бы трудной задачей, что подтверждает объективную динамику соперничества держав; однако «личности и институты» также сыграли свою роль в

итогах того политического курса. То, что в Южной Африке началось как акция, призванная дестабилизировать обстановку и продемонстрировать ценность немецкой дружбы, постепенно превратилось в настоящий вызов. Точно так же, по мнению Киссинджера, перевооружение флота адмиралом Тирпицем сделает Лондон неумолимым противником, вместо того чтобы подтолкнуть его к переговорам.

Англо-бурскую войну следует отнести к числу войн кризиса конца века, то есть к войнам кризиса мирового порядка того времени: по мнению Ленина, наряду с испано-американской и русско-японской войнами она ознаменовала начало империалистического века — того XX века, в котором Германия, Америка и Япония сломали бы английскую монополию, стремясь к новому разделу мира.

В 1895 году лорд Солсбери и Артур Бальфур поручили руководство Колониальным министерством Джозефу Чемберлену, который впоследствии стал главным политическим архитектором англо-бурской войны, а также лидером либеральных империалистов. В Сити, подвергавшемся вызову со стороны американского и европейского финансового капитала, старая либеральная ортодоксия подвергалась сомнению. В 1902 году Чемберлен сравнил Великобританию с «измученным Титаном, дрожащим под непосильным бременем мира» и выступил за введение имперского тарифа по образцу Zollverein (Таможенного союза) Бисмарка, чтобы защитить и укрепить Империю. Это означало бы конец свободной торговли, преобладавшей после отмены законов о пшенице в 1846 году; однако в 1906 году страх перед ростом цен, связанным с введением пошлин, обеспечил победу либералов на выборах. С того момента, кстати, Карл Каутский утверждал, что империализм — это политика, которую можно выбрать, а не объективный продукт капиталистического развития.

Впрочем, показательно, что в Лондоне старая доктрина либеризма оказалась роскошью. Военный историк Коррелли Барнетт в книге „*The Collapse of British Power*“ добавляет следующее соображение: так же как британская дипломатия больше не могла полагаться на инерцию Ватерлоо, так и промышленность больше не могла полагаться на свободную торговлю.

В работе „*The Quest for National Efficiency*“ Джеффри Сирл пишет, что Бурская война побудила правительство Бальфура развернуть кампанию за национальную эффективность и вернуться к прежним масштабам государственного вмешательства. Комиссия по расследованию выявила, что треть молодых людей, заявивших о своем желании отправиться добровольцами в Южную Африку, была отсечена по причине физических ограничений, что подтвердило давние опасения о том, что промышленная революция подрывала физическую силу нации. Социальное обеспечение тогда представлялось как оборонительная мера: нужны крепкие сыновья рабочих, чтобы служить Империи. Даже фабианские реформаторы присоединились к новому социал-империализму. Небольшая африканская война выявила слабости, которые Королевский флот уже не мог компенсировать, как раньше, поскольку относительный упадок флота был не чем иным, как обратной стороной утраты промышленной монополии.

Совершенно очевидно, что история длительного упадка Великобритании представляет множество поводов для размышлений о потрясениях, сопровождающих относительный упадок США. Локальные войны как момент проверки и корректировки соотношения сил; неравномерное экономическое, политическое и военное развитие; борьба за и посредством раздела горнодобывающих ресурсов; соглашение и политика умиротворения как орудия борьбы; роль политического мастерства; либерализм и

протекционизм как чередующиеся дозировки держав; промышленное производство как военный потенциал; инерция политического порядка по отношению к экономическим изменениям: все это инструменты анализа, при условии, что мы избегаем плоской аналогии между разными периодами и корреляциями. Дональд Трамп напоминает импровизированную фигуру кайзера, но в роли главы державы в упадке, а не восходящего соперника. Кроме того, упадок США уже давно наметился.

В нашем анализе речь идет о «относительном упадке», который утвердился в экономической сфере в первые два десятилетия после Второй мировой войны, а затем проявился — с различной степенью политического несоответствия — в последующие десятилетия. Со стороны американского империализма последовали энергичные контрмеры — от «никсоновского шока» до рейгановского перевооружения и «войн по восстановлению» баланса сил в Азии и в Персидском заливе, сопровождавшихся столь же многочисленными неудачами или непреднамеренными последствиями. Беспрецедентным сегодня является масштаб новых соперников — борьба между континентами, в которой теперь Америка, Европа, Китай и, вслед за ними, Индия соперничают с другими державами за мировой рынок. Это явный кризис старого послевоенного порядка, кризис конца века нашего времени; но в некоторых отношениях это перелом, сравнимый лишь с XVI веком, в исторической диалектике между Азией и Европой.

Силу и слабость следует тщательно просчитывать. Уолтер Рассел Мид в „*Wall Street Journal*“ оспаривает пессимистические тезисы, но отмечает, что «от безмятежных высот внешнеполитического истеблишмента до лихорадочных болот левых и правых в интернете» война в Иране теперь считается «катастрофой, американским эквивалентом унижительного поражения Великобритании в Суэцком кризисе 1956 года». Мид не скрывает просчетов: «Война оказалась более затратной, наложила большую нагрузку на человеческие ресурсы и арсеналы США и стала более серьезным политическим препятствием, чем предполагала администрация Трампа». Однако ее стратегический исход пока неопределен, и выносить суждение об этом еще преждевременно.

Этот комментарий полезен вдвойне: как в плане осторожности в отношении конфликта, который пока не завершился, так и в плане подтверждения формирующегося в Америке консенсуса относительно ее стратегического провала, хотя аналогия с 1956 годом и является несоразмерной: война обнажает непредвиденные политические и материальные слабости США, особенно если рассматривать ее, как и следует, в контексте беспрецедентного вызова со стороны Китая; однако она не является одним из конечных этапов упадка Америки, как это было для Великобритании в Суэце. Америка еще должна разыграть все свои карты.

Нефтяная блокада в Венесуэле обеспечивает США военное влияние на огромные запасы Латинской Америки и выводит их из-под влияния Китая. В настоящее время это уравнивает непреднамеренный результат, заключающийся в том, что Ирану был предоставлен контроль или влияние над проливами Ормуз и Баб-эль-Мандеб. Дополнение Трампа к доктрине Монро в Южной Америке укрепляет дополнение к доктрине Картера в Персидском заливе или, во всяком случае, возможность погрузить энергетическую артерию в хаос с целью шантажа других держав. При этом Пекин по-прежнему не спешит брать на себя обязательства в этом регионе, предпочитая, скорее, «размеренный 1956 год», который изматывает США, а не втягивает их в кон-

фронтацию. Таким образом, в Тегеран не поступило ни одной поздравительной телеграммы, по крайней мере официально.

Курт Кэмпбелл и Раш Доши, ранее отвечавшие за азиатское направление в администрациях демократов, в журнале „*Foreign Affairs*“ оспаривают утверждение о том, что США находятся в изоляции, поскольку система альянсов, хотя и пошатнулась из-за поведения Трампа, опирается на «мощные силы притяжения», которые будут и впредь притягивать союзников, находящихся под угрозой со стороны Китая и связанных с США десятилетиями экономических, технологических и военных отношений. Вашингтону не следует растрачивать преимущества альянсов. Однако, как мы отмечаем, их «структурная» составляющая может быть перевернута; ведь сейчас именно союзники — Европа, Япония и даже участники Мекканского пакта — Турция, Саудовская Аравия и Пакистан — защищают альянс, чтобы обрести в его рамках большую стратегическую автономию.

По данным „*Washington Post*“, Пентагон якобы рассматривает возможность закрытия военных баз на Ближнем Востоке, наиболее уязвимых для ракетных ударов со стороны Ирана, с целью создания более маневренной системы. Это старая дилемма в американской дискуссии, в которой также участвуют военные лобби. Однако наличие этих баз показало, что они не могут гарантировать «открытость дверей» и защиту союзников, по крайней мере на данный момент. Аналогичная дискуссия ведется по поводу растроченных запасов ракет в Персидском заливе и развертывания американских авианосцев, выведенных из Азии. Руководители вооруженных сил публично выражают опасения по поводу перенапряжения сил. Независимо от того, является ли это частью давления на президентство или борьбой между различными течениями в сфере военных расходов, это в любом случае позволяет газете „*Global Times*“ с удовлетворением констатировать, что «Ближний Восток преподаст суровый урок» американской сверхдержаве: «Если операции против Ирана уже так сильно испытывают на прочность личный состав и логистику, то противостояние с противником, обладающим равной промышленной мощью, будет гораздо более тяжелым».

Вопрос промышленной мощи вновь оказался в центре империалистической борьбы, в том числе и в контексте соперничества военного потенциала. Достаточно вспомнить программы «реиндустриализации» в Америке, гонку за ресурсами или даже борьбу за энергоэффективность в Европе и Китае. Еще одним полем сражения являются финансовые инструменты — до сих пор традиционная сильная сторона долларовой системы, несмотря на уязвимость, связанную с вышедшим из-под контроля долларом, а также на возможность непреднамеренных последствий и самонанесенного ущерба даже на этом фронте. Летом Министерство финансов США разверзла свою «экономическую ярость», чтобы изолировать Иран; однако оно пощадило китайские банки от санкций, чтобы избежать конфликта с Драконом. Саммиты ШОС в Бишкеке и БРИКС в Дели объединили державы, которые *Economic Fury* стремились разделить. Даже Индия открыто бросила вызов американским санкциям против Ирана, присоединившись к позиции Пекина.

Даже минимальные сдвиги между континентальными массивами двух азиатских гигантов могут вызывать сейсмические колебания, регистрируемые на большом расстоянии. А поскольку теперь именно Вашингтон заявляет, что «прошли те времена, когда Соединенные Штаты, словно Атлант, поддерживали весь мировой порядок», относительный упадок Америки вступает в беспрецедентную фазу.

Lotta comunista, сентябрь 2026 г.

Бутылочные горлышки

Британская империя защищала свои линии связи с Индией и Азией, контролируя проливы и ключевые районы с помощью военных баз, колониальных владений или оказывая косвенное влияние посредством соглашений и полусоюзов. Гибралтар, Мальта, Кипр и поддержка Турции в антирусском ключе на Босфоре и Дарданеллах давали контроль над Средиземным морем; Суэц и Аден — над Красным; блокирование доступа других держав к Ормузу — над Персидским заливом; а Сингапур — над зоной от Малаккского пролива до Гонконга на другом конце Южно-Китайского моря.

С наступлением кризиса мирового порядка стали говорить о *choke points*, или *бутылочных горлышках*. Вашингтон, сменивший Лондон под конец длительного упадка Англии, обещал быть гарантом свободы торговли и морей. Ормуз, Баб-эль-Мандеб у входа в Красное море — эти топонимы вновь появляются в военных хрониках, потому что Америка не может или не хочет больше выполнять эту роль. Это и есть *американский упадок*, отмеченный соперничеством с Китаем на равных и активизмом средних держав на Среднем Востоке и в Восточной Азии, что получили больше возможностей для реализации своих амбиций.

Бутылочные горлышки располагаются не только на физической карте мира. Начиная с двадцатого века, с наступлением эпохи империализма, любые связи используются в качестве оружия: например, роль доллара как международной валюты, система SWIFT для финансовых транзакций. Существует зависимость от интернет-связи и *сетевых платформ*, контролируемых американскими группами, а также от нефти и цепочек поставок. И, наконец, с молниеносной скоростью к этому добавился искусственный интеллект. Сама эпопея вокруг ИИ, несмотря на угрозу финансового пузыря, раздувшегося вокруг него, показывает, что у упадка есть свои контртенденции. Последнее слово в Персидском заливе еще не сказано. Появляются беспрецедентные трения вокруг американского долга и, как следствие, роли доллара, но путь, похоже, еще долог.

Можно отметить две вещи. Во-первых, уже одно только начало кризиса порядка на Украине и на Ближнем Востоке оборачивается сотнями тысяч жертв. Кто знает, когда *атлантический упадок* проявит себя в полной мере? Не будем забывать, что переход от британского доминирования к американскому был обозначен двумя мировыми войнами. Во-вторых, есть еще одно *бутылочное горлышко*, которое может перевернуть все расчеты: всё капиталистическое общество держится на нашем классе. А в капиталистически старых державах, изможденных демографической зимой, этот ресурс становится более редким. Несмотря на бездарность их *политики*, что потакает ксенофобским страхам ради горстки голосов на выборах, им уже приходится бороться за пополнение рядов рабочих иммигрантами. Свыше двух миллиардов наемных работников — это колоссальная сила. Когда они научатся действовать как мировой класс, адская карусель империалистической борьбы остановится навсегда.

Иммиграционный кризис в Сеуте, разразившийся летом, вскоре нашел отражение в шагах правительства Италии, что использовало его для придания дополнительного импульса кампании за закон и порядок. Это вызвало полемику, переросшую даже во взаимные упреки на европейском уровне, что оживило политическую жизнь в августе.

Очевидно, что миграционная тема используется в предвыборных целях, и не только в Италии и не только на правом фланге. Но дело не только в этом. Стоит разобраться.

Жестокая или просвещенная политика

Показателен в этом плане номер журнала „The Economist“ от 29 августа, где на обложке и в названии первой редакционной статьи значится: «Негостеприимные Штаты Америки». Это обвинение в адрес миграционной политики администрации Трампа. Как авторитетный *экономический* голос, издание упрекает американского президента в том, что он дал на эту проблему ответы, столь же «жестокые», сколь и «саморазрушительные». Что касается жестокости, то здесь нет нужды в пояснениях; *саморазрушением* газета называет сокращение рабочей силы «на миллион человек с января», вызванное ограничением въездов и расширением депортаций.

Это шизофрения буржуазии, которая продает стратегический вопрос ради сиюминутной предвыборной выгоды. Заключение статьи вносит элемент перспективы и наводит на размышления: по мнению „The Economist“, кампания за закон и порядок имеет-таки свою *положительную* сторону, поскольку служит средством *успокоения* населения, и именно это позволит «будущей администрации» «надеяться на принятие той просвещенной иммиграционной реформы, в которой нуждается Америка».

Само собой разумеется, что «просвещенная реформа» не является синонимом радушного приема: она предусматривает впускать тех, кто нужен национальной экономике, и, прежде всего, с помощью ограничений и угроз удерживать их в подчинении, вплоть до сегрегации. Это происходит повсеместно, в том числе в Европе, независимо от политической ориента-

ции правительства. Потому что везде *демографическая зима* вынуждает восполнять нехватку рабочей силы за счет иммигрантов, и ни одно правительство не может игнорировать эту реальность. В ЕС рост занятости *тесно связан с присутствием иностранных работников*, и это касается также Италии, где «в отсутствие вклада иностранных работников» в период с 2005 по 2025 год было бы зафиксировано «сокращение общей занятости».

Незаменимое присутствие

Эти цитаты мы приводим из „XVI Ежегодный отчет: иностранцы на рынке труда Италии“, опубликованного в середине июля Министерством труда того самого правительства Мелони, члены которого не гнушаются разжигать расистские настроения. Это еще раз доказывает, что предвыборные лозунги не могут заглушить потребности производственной системы.

Одним из наиболее значимых моментов доклада является констатация того, что иностранные работники не только являются незаменимой составляющей национальной экономики, но и что их может оказаться недостаточно или, во всяком случае, их будет трудно найти. Но давайте по порядку.

Абсолютные данные подтверждают рост их численности почти на 3 % в 2025 году по сравнению с предыдущим годом, в то время как численность итальянских работников увеличилась лишь на 0,5 %. Речь идет о 2 587 000 иностранцев (10,7 % от общей численности занятых), причем здесь учитываются только лица, родившиеся за рубежом и не имеющие итальянского гражданства. Мы уже приводили (в декабре 2025 года) оценку в 3,7 миллиона работников-иммигрантов, включив в этот показатель также тех, кто, родившись за рубежом, впоследствии получил итальянское гражданство — это более 15 % от общей занятости и 19 % только в частном секторе.

Многонациональное будущее рабочего класса

Возвращаясь к данным отчета министерства, подтверждается более высокая, чем в среднем, доля иммигрантов в некоторых сферах занятости: 30 % в сфере общественных и личных услуг (уборка, домашняя прислуга, уход за

пожилыми людьми и т. д.), 19 % в гостиницах и ресторанах, 21,5 % в сельском хозяйстве. В последнем секторе следует отметить, что, по отношению к числу занятых, регионы Северо-Запада имеют наибольшую долю работников из стран, не входящих в ЕС, в особенности Лигурия (46,6 %) и Пьемонт (39 %). Именно здесь мы регулярно встречаем «армию невидимок среди виноградников Ланге», «первое звено цепи, ведущей к Бароло и Барбареско, к Барбере и Асти Спуманте» („La Stampa“, 31 августа). Невидимки для тех, кто не хочет видеть, так же, как и сборщики томатов или оливок на Юге.

Возвращаясь к отчету, «демографические сценарии Италии представляют собой ключевой вызов для предприятий», которые, по сути, предусматривают значительную долю найма иммигрантов. И это данные, над которыми стоит задуматься, поскольку они предвещают будущее: при доле иностранцев в 10,7 % среди тех, кто в настоящее время работает, их доля среди планируемых наймов в Италии составляет 23,4 %, превышает 30 % в Эмилии-Романье и 29 % в Ломбардии и Венето, то есть составляет почти треть.

Следует обратить внимание на квалификации и отрасли, в которых работники-иммигранты наиболее востребованы: по сравнению со средним показателем в 23,4 %, их доля превышает 30 % среди квалифицированных рабочих и в металлургической промышленности. Это недвусмысленный признак того, что они становятся важнейшей частью нашего класса, которая неизбежно должна принять участие в профсоюзной и политической борьбе.

Нехватка иммигрантов

Приведенные данные касаются *планируемого* найма: ведь, и в этом суть, более половины (53,7 %) вакансий считаются «труднозаполняемыми», а среди квалифицированных рабочих этот показатель достигает 64 %. Среди причин указываются «непривлекательные условия труда», а также «ограниченное наличие специалистов с конкретным опытом». Иными словами: заработная плата, безопасность и профессио-

нальная подготовка. На этих вопросах должны сосредоточиться профсоюзы, предприятия и политики, поскольку «именно в тех профессиональных категориях, где иностранцы сравнительно более востребованы: в частности, среди квалифицированных рабочих, техников, операторов оборудования — набор персонала оказывается более проблематичным, а требуемый опыт в среднем выше».

Конечно, не помогают и формы сегрегации иммигрантов: *профессиональная*, поскольку значительная часть из них вынуждена заниматься работой, не соответствующей их образованию; и в плане *заработной платы*, поскольку при выходе на рынок труда разница в оплате труда по сравнению с аналогичными работниками принимающей страны составляет в среднем 34 % по данным 15 стран ОЭСР, но достигает 45 % в Италии; а через 5 лет этот разрыв по-прежнему составит в среднем 21 % и 31 % в Италии.

Волонтерство солидарности и интернационализм

Отсюда и данные об абсолютной бедности семей, главой которых является рабочий: показатели варьируются от 33,5 % для семей, состоящих исключительно из иностранцев, до 8,7 % для семей, состоящих исключительно из итальянцев.

Кроме того, что касается безопасности труда, следует упомянуть о несчастных случаях: доля в 24 % среди (зарегистрированных) несчастных случаев и 23 % среди смертельных случаев свидетельствует о риске выше среднего. И эти цифры растут из года в год.

Одним словом, для итальянской буржуазии, и не только для нее, путь к «просвещенному» подходу к миграционному вопросу еще долог. Следовательно, тем ценнее роль *волонтерства солидарности* рабочих кружков в защите наиболее уязвимых слоев нашего класса; с учетом всего сказанного, это также объективная школа интернационалистического воспитания, направленная против расизма и ксенофобии.

Lotta comunista, сентябрь 2026 г.